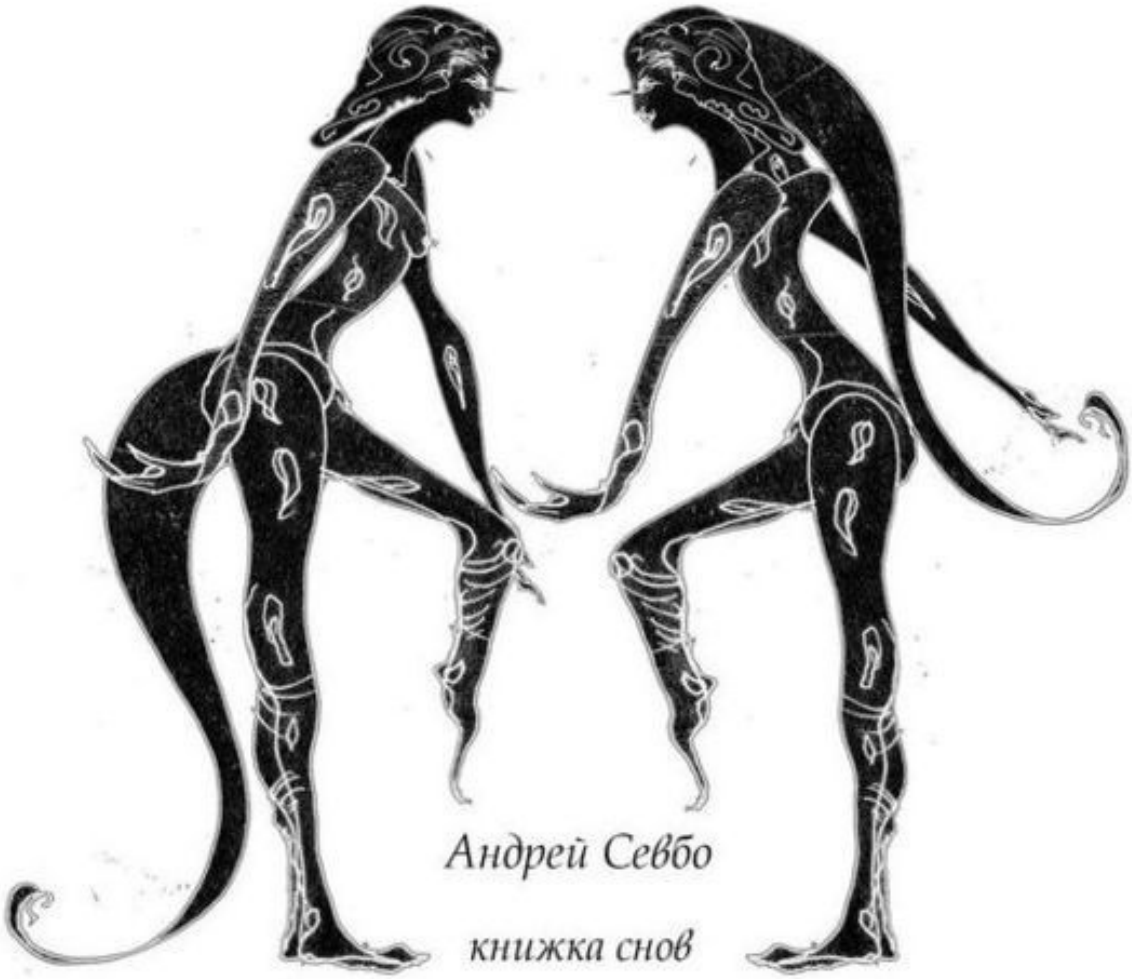
18+

ПЛАНЕТА ПО ИМЕНИ РАЙ



Андрей Севбо

книжка снов

Андрей Севбо

Планета по имени «Рай!». Книжка снов

«Издательские решения»

Севбо А.

Планета по имени «Рай!». Книжка снов / А. Севбо — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853129-3

Иногда хочется рассказать кому-нибудь сон. Да, неловко — дело интимное. Пока думал, стоит, не стоит, так ли поймут — сон и позабылся. А потом приснилось продолжение. Записал. Пока записывал, открыл способ видеть сны наяву. Не всегда между снами наяву и сновидениями была логическая связь. Приходилось связь налаживать вручную. Местами оставлять как есть. Читать на ночь грядущую. Крепкий сон гарантирован после первой страницы. Неплохо в полете. А.С. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-853129-3

© Севбо А.
© Издательские решения

Содержание

Часть I 6
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Планета по имени «Рай!» Книжка снов

Андрей Севбо

© Андрей Севбо, 2023

ISBN 978-5-4485-3129-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I
ПОСЛАННИК

Луч рассветного солнца рассёк пустую комнату надвое и в средокрестье его прицела оказалось моё сомкнутое веко. Последние райские видения были залиты нежно алым, не предполагающим компромисса со стороны второго глаза, погруженного в глубокую фиолетовую тень, отброшенную носом.

Мелодия дверного звонка, точно вор, проникла в карнавальную пустоту сновидения и власть тьмы, как и любая другая власть, была свергнута в одночасье.

Рассыльный, что вручил мне телеграмму, никак не напоминал члена сборной команды по баскетболу.

Я обнаружил его в нескольких сантиметрах от кафельного пола парадной, среди мчащихся титров моего прерванного сна. Он путался в полах оранжевого дождевика. Лужа, натекшая со складок, никак не объясняла яркого солнца в окне, и почему и кем перепутаны эти кадры.

Разносчик телеграмм*, являющийся, на самом деле, посланником самой Мойры, богини судьбы, может принимать сколь угодно странный облик – это его право. Этот же был примечателен не столько малым ростом, сколько сходством с ящерицей, или с хорьком.

Телеграмма, как правило, не предвещает ничего хорошего. Даже когда скупой на подарки родственник извещает тебя телеграммой о дне твоего же рождения, он свидетельствует, тем самым, что дни твои кем-то сосчитаны, сочтены то бишь.

Что тут хорошего!

Если любопытно, вот текст, криво вклеенный в серый бланк:

= ПРИГЛАШАЕТЕСЬ ПОСТАНОВКУ ПЛАНЕТУ PARADISE-11

= ВЫЛЕТ 24.03.2299 =РЕЙС 306 – 1603 SK =

= ДИРЕКТОР РАЙСКИЙ=

Я расписался в корешке бланка одолженным лилипутом химическим карандашом. След карандаша был слабо различим на казенной бумаге.

Рассыльный, откинув капюшон, послюнил огрызок карандаша. Сам рассыльный мог бы поместиться в картонном посылочном ящике. И он исчез без видимых усилий, оставив мне зеленоватый конверт и фиолетовое пятно от химического карандаша на среднем пальце моей правой руки.

Странностей было уже предостаточно, чтобы я не дал себе труда догадаться, как такой гном без посторонней помощи мог дотянулся до кнопки дверного звонка. В конверт был вложен билет на полет в челноке на следующую пятницу, с вклеенной голограммой, на которой радужно переливалась улыбкой то ли девушка, то ли ящерка.

Космический челнок вытянулся наизготовку. Его керамическая облицовка повидала всякое: перепады от точки замерзания жидкого азота до температуры кипения звездной плазмы, и потому выглядела как загаженный кафель в мужском туалете. Трапы были поданы.

Согласно билету, я направлялся в провинцию Трилистника – галактическую Тмутаракань. Челноки летали туда от случая к случаю, регулярных рейсов не было. Борт 306—1603 SK был зафрахтован космолинией «Гончий Пес» и в общем расписании не значился.

Телеграмма – старинный, давно забытый способ коммуникаций, породивший понятие телеграфного стиля в литературе и бесследно исчезнувший в конце XX столетия.

Об этом я узнал из радиосообщения, разворачивая обертку успокоительной коньячной карамельки, развалясь как бывалый, в засаленном кресле космического челнока.

Две орбитальных петли вокруг Земли – не признак ли это технической неполадки?

Тем более из иллюминатора, с просроченным штампом контроля на термостекле, было видно, как с короткого крыла идет срыв перламутрового пара и сносится в сторону атмосферной дымки Земли.

Однако всё обошлось. Прозрачные крышки персональных капсул накрыли немногочисленных пассажиров челнока. Оказавшись внутри такой капсулы – их иначе называют рыбьими пузырями – можно делать все, что заблагорассудится. Сосать винные конфетки, например. Листать журналы с рекламой туроператоров разных галактических компаний. Можно и спать. А если не получается, то на стеклянной крышке напечатана буква «**S**». Первая буква слова sleep древнеанглийского языка. Хотя предпочитаю dream.

Слегка прикоснувшись к ней пальцем, можно оказать себе любезность и добрую часть полета скоротать в сладостном забытьи, пока несколько миллионов световых лет не сотрут металлокерамическую облицовку корабля до толщины истлевшего кленового листа. И все это за время не большее, чем перелет на старинном самолете из Москвы до Камчатки или путешествие в карете из Парижа в Тулузу.

Но не в это дело. Космические перелеты давно вышли из моды и стали анахронизмом ещё 100 лет назад. Гораздо проще стало посылать себя по @-факсу. Даже если связь не очень надежна и при пересылке возможно повреждение персонального кода, твой @-двойник получит необходимое количество органов и опций, принятых по умолчанию в перципиентном регионе. И удивляться тут нечему, даже если на планете X ты будешь разгуливать в виде лысеющего шестирукого бодхисатвы с хвостом игуаны и рожками виноградной улитки.

А необходимость удивлять и удивляться в этом мире все же осталась. Этот рудимент человеческой психики, что и составляет основную трудность профессии театрального режиссера. Театр, как ни парадоксально, не умер, как кино, музыка или литература.

Театр стал неотъемлемой часть жизни людей в нашем XXX столетии. Он, пожалуй, единственное, что хоть как-то отвечает человеческим культурным запросам. Вопрос, на самом деле, в другом: зачем планете P-SE-11 понадобился театральный режиссер – то есть я, покорный вам слуга.

Ведь там, куда я летел своей собственной персоной, посасывая одиннадцатую или сто одиннадцатую коньячную тянучку, народу-то было всего ничего, не больше чем в двух-трех псковских деревнях после дачного сезона.

В корабельный буфет я заглянул от зверской неудовлетворенности в животе от коньячных конфеток, вскоре после того как капсулы открылись, и обнаружил, что на планету P-SE-11 лечу не я один.

В пустом буфете в черном иллюминаторе отражалась Une бледная рожа еще одного любителя персональных перелетов. В самом деле, есть такие чудаки, которые не доверяют @-факсу. Их можно понять. Твой @-фантом теоретически может взбунтоваться и заявить своё право носителя персонального кода. Тогда хлопот с ним не оберешься.

Я сел за соседний столик и тоже отдернул шторку. Моя физиономия бледной медузой нависла над незнакомыми созвездиями. Солнечную систему с крошечной звездой посередине я искать не стал. Зачем? Весь основной звездный атлас в виде светящегося цветного миража был отпечатан на столике. Под левым локтем оказалась Кассиопея. Заказанную рюмку коньяка, стюарт поставил на Плеяд.

– Мы здесь, – пояснил он и тут же передвинул рюмку на сантиметр. – А теперь – здесь. Сорок астрономических узлов в секунду.

Я отпил глоток и поставил рюмку на место. По столику-планетарию тихо ползла красная лазерная букашка – очевидно, это и был наш «Гончий Пес Флаерс-306».

Стюарт принес заказанную тарелку дымящихся самонаматывающихся мок`коронов и шлепнул сверху саморазогревающуюся котлету. Через минуту котлета зашипела, набухла и из пор её коричневой корочки золотистыми струйками потекло в макароны растопленное масло. Вакхическая картина! С учетом того, что рюмка была автопополняемой, я решил, что путешествие в целом удалось.

Второй посетитель заведения казался таким же, как я командировочным. Он жевал морских клоунов, запивая их слегка опресненной морской водой. В тоске неземной и в космическом одиночестве.

– Летите? – кивнул он мне. О чем еще может спросить одна дикая утка поравнявшись с другой в косяке, направляющемся из Сибири в Африку.

– Лечу, – мой ответ был полон искренности, как и моя рюмка-самоналивайка полна коньяка, – на P-SE-11. Вы не бывали в тех краях, случаем? – я накрыл рюмкой красную букашку, которая тут же из-под нее выскочила.

– Скоро буду.

– Коньяку не желаете?

– Давай! – Он пересел за мой столик – планетарий и подставил стакан, из которого предварительно выплеснул морскую воду в вазочку к одинокой бледной орхидее. Возможно – пластиковой.

Я отлил из своей самонаполняемой рюмки половину. Выждали, пока уровень жидкости в ней восстановится

– Саша, – представился он.

– Фемистокл, – мы чокнулись.

Челнок вздрогнул.

– Скоро все мы там будем.

– Пардон?

– Все мы будем на P-SE, – промолвил Саша. И вдруг заржал каким-то ненастоящим, театральным смехом, который можно включить одной кнопкой сразу на всю мощь.

Я отметил, что он слегка напоминает мне одного актера, знакомого по русским фильмам 2-й половины XX века, а именно Олега Басилашвили. Именно его бледное чело теперь маячило в черном иллюминаторе среди тихо плывущих созвездий.

– Ты зачем туда летишь?

Вместо ответа я выловил из кармана куртки мятую бумажку – телеграмму Райского.

Едва взглянув, Саша, ухмыльнувшись, достал из кармана точно такую же, и там криво значилось:

= ГОСПОДИНУ АБАЛАКОВУ А.А.
=ПРИГЛАШАЕТЕСЬ ПОСТАНОВКУ ПЛАНЕТУ PARADISE-11
= ВЫЛЕТ 24.03.2299 =РЕЙС 306 – 1603 SK =
= ДИРЕКТОР РАЙСКИЙ=

– Актер? – спросил я Сашу. (Какой фильм я прежде видел с участием Басилашвили?)

– Сценарист. Драматург. Специалист по спецэффектам.

– Я – режиссер. Кино, телевидение, театр.

– А-а, – протянул драматург, он же поспецэффектам, – представитель реликтовых профессий!

– Вроде того.

– Что, есть работа? – поинтересовался А.А.Абалаков, лавко плеснув коньяк из моей самоналивайки в свой стакан.

– Да, как сказать …, – я машинально уставился на свою рюмку, в которой медленно стал подниматься уровень жидкости.

– Так и сказать: ни хрена. Иначе, с какого, брат, ПОНТАЛЫКУ ты бы ТУДА полетел.

– Ни хрена, – сознался я, покоренный могучей лексикой Саши Абалакова.

– Скажи мне, друг Фемистокл, вот скажи искренне, ты любишь театр?

– Нет, – ответил я как можно искреннее, – в данную минуту – нет.

– И я – нет.

– А это надо?

– Что надо?

– Чтобы делать своё дело, нужно его любить?

– Думаю, что нужно, а то стошнит. Во всяком случае, поначалу, когда выбираешь, чем бы заняться. Потом, наверное, не очень-то и важно. Главное, чтоб потом, всю жизнь, не сильно тошнило.

– Хорошо сказано! – Саша со своим стаканом важно откинулся на спинку диванчика. – Это как с женщиной. Если выбирать себе женщину – никогда не выберешь. У одной характер, у другой – нос, у третьей – прикус не нравится или вся фигура …. А вот полюбишь, и …. Будем! —протянул он свой стакан.

– Давай.

Выпивая, он отставлял мизинец в сторону крючком, что выдавало его желание нравиться.

Стюарт попросил нас занять свои капсулы.

Я прихватил с собой самоналивайку. Знаю, что обман, но не стал себя удерживать.

Тормозил челнок жестко. Похоже, даже пару раз промазал мимо P-SE. Но потом как ни в чем не бывало, нахально завывая плазменной турбиной, поставленной на реверс, прокатился по обожженной посадочной полосе и встал против бронированного терминала.

Нас с Сашей снял с борта транспортер и затащил, вместе с чемоданами, на крытую пассажирскую платформу. Кто сейчас возит с собой чемодан с носками и рубашками? – Чудак был этот драматург. Через решетчатый пол сквозил холод, вокзальная бесприютность.

Встречал нас директор самолично и сразу отвез в театр. Судя по всему, это было здание местного клуба и драмтеатра по-совместительству.

Райский даже не пытался нас очаровать.

Ни по-протоколу, ни – без.

Райский был похож на старого пупса, которым он стал уже в 2 года, и пребудет таким без всяких изменений еще лет двести. Его кабинет представлялся свалкой разнокалиберной оргтехники. Её объединяло то, что она безнадежно устарела еще 100 лет назад, но поражала тем, что аппараты все еще работали. Например, антикварный факс аппарат, включился и выжег на термобумаге жирной кириллицей «СЛАВА ГЕРОЯМ – ПОКОРИТЕЛЯМ КОСМОСА!». В конце – подпись с расшифровкой: «Н. С. Хрущев».

На всем лежал ровный слой белесой пыли.

Райский достал граненые стаканы толстого стекла и чайник.

– Пейте чай. Ешьте бисквит

Осторожно попробовал. Это действительно был чай. Чуть тепловатый. Припудренный вековой пылью ноздреватый ломоть на фаянсовом блюдце символизировал хлебосольство Райского с неизменным качеством уже не один десяток лет.

Саша Абалаков молча пожевал губами. На многих такая уловка производит сильное впечатление.

Только не на директора театра на планете P-SE.

По дороге в гостиницу, Райский произвел краткий обзор дел на планете. Заострил внимание на том, что население, оторванное от метрополии испытывает сильнейший культурный голод, и наша задача (то есть Саши и моя) утолить этот голод рядом выдающихся мероприятий, как-то: театральными постановками, организацией и проведением празднеств и международных фестивалей, а так же образованием местного населения в плане достижений мировой культуры, и он надеется, что мы сможем из отсталой в культурном смысле провинции превратить планету P-SE-11 в столицу межпланетной культурной инициативы. Такой дикой абракадабры я не слышал давно.

У дверей невзрачного одноэтажного строения – на вид – сарая, Райский неожиданно попрощался.

– Ваш отель. Располагайтесь, – он вынул Сашины чемоданы из багажника и, сев за руль, быстро умчался по дороге, ведущей в центр. Надо думать, по неотложным делам.

Дверь в «отель» оказалась незапертой. А сам он – заброшенной школой с комнатами – классами.

Кое-где остались даже грифельные доски. Не было только парт. У стены горкой сложены комплекты белья и полотенец. Обстановку довершала пара лежанок.

– Да, блин, – молвил Саша свою первую фразу на этой планете, где никто, похоже, особо за порядком не следил.

Рюмка-самоналивайка, украденная из челнока, исправно проработала весь вечер.

В конце-концов сработал лимит, установленный то ли на время действия, то ли на количество напитка. Последняя порция уже не была такой душистой и крепкой. Брошка автозаполнения почернела и стала похожа на оторванную пуговицу.

Спустившаяся на окна чернота принесла зверский холод.

Саша опрокинулся на лежанку, оказавшейся скрипучей алюминиевой раскладушкой, затянутую цветастым тентом.

– За-завтра, прямо с утра иду к этому з-засранцу, этому ссукину к-коту, потребую аванс и… сматываюсь к такой-то матери! Что это за жи-жизнь? Где он нас пос-селил! Мы ему кто?!!

– С-с-аша, вместе сва-сваливаем. Существовать в таком ду-дубаке и я не-не ммогу.

– А это что, пе-печка?

– Пе-печка, ка-кажется.

– Ну, б-блин, пещера. – Саша вынул и чемодана кое-какое шмотьё и завернулся в него с головой.

У меня не было чемодана.

Я вышел из-под нашего гостеприимного крова на улицу и, спотыкаясь о разбросанные всюду сухие коряги, прошелся вдоль лачуг.

Некоторые дома не имели даже дверей.

Насквозь продувались и просматривались до самой последней комнаты, где в отблесках огня коченели фигурки местных жителей.

Я собрал немного коряг покрупнее и вернулся в «отель».

Огонь разгорелся быстро. Железная печь за пару минут дочиста обглодала те несколько веток, что я принес. Меня удивило, что массивный дрын, крытый корой, едва тронь, рассыпался в прах, в труху, оставался лишь тоненький сучок.

Тепла он давал немного. И я сходил на улицу еще несколько раз.
Драматург, он же по спецэффектам, храпел на своей раскладушке.
Я тоже прилег. На полу, крытая пылью, валялась глянцевая обложка.

ДОБРО ПОЖПЛОВАТЬ
НА ПЛАНЕТУ ПО ИМЕНИ «РАЙ»
Спросите бывалого космического волка
или простого пилота межзвездного челнока
где самое лучшее место во Вселенной?
Он ответит – в «РАЮ»!
И вот вы здесь!
В нашем раю хватит места для всех!
Именно в «РАЮ»
вы найдете свой рай!

Рай – сарай.

Посветив фонариком, я увидел множество подобных брошюр, цветных, глянцевых, под слоем серебристой пыли. В голубом луче густо искрились пылинки, образуя завихрения и воронки в нескольких сантиметрах от пола.

Чуть повыше воздух был чище. А в полуметре и вовсе стерилен. Я вдохнул его. Холодный, сухой, бедный на запахи – воздух планеты по имени «Рай».

«РАЙ» НА «ЗЕМЛЕ»

«Да, блин» – услышали мы утром следующего дня. На пороге стоял местный житель и вовсю улыбался.

– Да, блин, – повторил он, как можно радушнее, непрерывно кланяясь. Ростом он был чуть не с крупного зайца, ставшего на задние лапы. Подвижное, улыбчивое личико его было похоже на сушеный мандарин. В руках абориген держал поднос с чем-то, напоминающем бритвенные принадлежности.

Райкий тоже встретил нас во всеоружии улыбок, на которые он оказался неожиданно щедр.

Готовые вырваться из гортани, слететь с языка слова праведного гнева стали как-то неуместны, как засохшие коряги посреди густолиственного сада.

– Как отдохнули? – похоже, что его вопрос и не предполагал ответа, – прекрасно, друзья, перейдем к делу.

Райский с удовольствием вдохнул разреженный воздух планеты P-SE, и выдохнул следующее:

Двести лет планета исправно приносила прибыль. Это был золотой век P-SE. Но потом поссорились Иван Иваныч с Иван Никифоровичем. Главный доход планеты составлял туристический бизнес. Здесь было модно отдыхать. В одиночку, корпоративно, даже с семьями. Для этого планета была поделена по типу того, как делится салон для курящих и некурящих.

Вся поверхность планеты была покрыта садами и морями. Морями – вот тут мы подходим к главному. Моря, как всем известно, состоят, в основном из воды. А, вода, как мы все помним из учебника химии, состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода. Всего этого здесь водилось в избытке. До поры до времени.

Главный гидролог планеты, некто господин Шайнц, что-то не поделил с главным управляющим планеты, неким господином Роллером.

Понятно, что делили они не кур и не сусликов. А воду. И доходы от неё. Шайнц был самолюбив и, к сожалению, гениален. Ему удалось поссорить водород с кислородом, да так, что воды на планете буквально закипели. Через неделю цветущий Эдем превратился в Сахару. Избыток водорода быстро улетучился из атмосферы, и кислород, как более тяжелый газ, превратил все сущее на планете в его странный окисел.

Деревья окислились, люди, бактерии. И бухгалтерия.

То, что мы с вами сейчас имеем честь вдыхать, это, так сказать, атмосфера резерва.

Как резервное колесо автомобиля. Худое и ненадежное. Только бы добраться до сервиса.

А сервис, господа, это мы с вами. Фигурально, конечно, говоря.

Райский самодовольно улыбался.

Вопросы, конечно же, ожидались от аудитории.

Саша молчал. Жевал губами.

– И какого черта? – вымолвил он наконец.

– Да, – включился я в оживленную дискуссию, – Причем здесь мы? Мы не химики и не финансисты. И вообще, мы еще не обсуждали вопрос… гонорара!

Райский вскочил и с довольным видом оглядел аудиторию.

– Все беды в прошлом! – произнес он с пафосом.

Порывшись в кармане непонятного цвета штанов, он вытащил крошечный предмет, похожий на орех.

– Вот это восстановит водный баланс планеты! – выкликнул он, выкинув руку вперед – ну просто, хайль Гитлер в фильмах про фашистов XX века. – Это вернет любовь водорода к кислороду. И вернет любовь народа к этой самой P-SE.

Все моря, безусловно, восстановить не удастся, но это и к лучшему.

Эти моря – от них столько хлопот! Достаточно будет и нескольких крупных озер.

А главное – сады!

Только сейчас я заметил крошечного человечка, который сидел в кресле под факс-аппаратом поджав ножки. Это был он! Почтальон! Гном, с химическим карандашом.

Саша бросил взгляд в сторону человечка, но остался неколебим в своём гневе.

Райский проследил направление моего застывшего взгляда.

– Ах, вот, извольте познакомиться, сам садовник, господин Зиновкен. Кстати, это не я, это он выбирал вас.

Так что, коллеги, полагаю, вы уже знакомы.

– Я ничего не понимаю в рассаде, – сообщил Саша хмуро. – Я драматург. Могу расставлять слова в том или ином порядке. И не иначе, как за деньги! – Саша швырнул на стол Райскому измятую телеграмму. – Оплатите мне командировочные расходы и… можете не провожать!

– Вы меня не дослушали, – остановил Райский Сашу уже в дверях. – Как раз вы и будете создавать этот рай вместе с господином Фемистоклюсом. Я – только автор идеи. Да что там я, – директор скорчил умильное лицо пупсика, – есть автор посолидней. Не угодно ли, господа, взяться за дело!

Райский встал.

Гном встал.

Я встал.

Саша уже давно занес ногу через порог.

«РАЙ-ИСПОЛКОМ»

Сказать, что работа закипела, было бы натяжкой.

Целыми днями мы сидели, точнее, пропадали, на вознесшейся над местностью террасе.

Под нами клубился туман. По черному горизонту черепахой ползла красная с точечками луна. Или, как её там, похожая на шляпку мухомора. Терраса косилась набок, и под столик драматурга приходилось постоянно подкладывать пачку бумаги, чтобы он стоял ровнее.

Безводный климат планеты.

Наши изверившиеся души.

«Что такое рай?» – Саша добавил к вопросу фригидную паузу такой длины, что из неё можно было бы связать теплый свитер.

Опрокинутое во времени зарево его вопроса освещало лишь кучку обгоревшего пепла.

Этот пепел и был ответом. Среди черных крошек трубочного табака.

Саша Абалаков был большой оригинал. Большой оригинальный мужчина. Он курил трубку.

И не упускал случая пожаловаться на жизнь, как будто именно для этого родился и жил.

И это было то, то, что он действительно любил и делал талантливо.

«Попадись мне, кто все это придумал – я бы сам его здесь придушил», – пел он приятным низким голосом.

Или с пафосом: «Ну почему я должен решать за всех?»

Иногда, чтобы создать видимость беседы, я отвечал ему:

«Саша, у тебя русское имя. Похожее на спящую тучу. Я читал, что русские берегли свое счастье в яйце. Вот ты и спроси… свою славянскую душу!»

Завершая свои десять страниц – свой ежедневный урок – он смычно хрустел суставами и декламировал: «Последний день моих трудов. Сольётся семь с меня потов».

«Молодец!» – подавал голос садовник Зиновкен, пролистывая очередную заляпанную чернилами рукопись. Он раздобыл себе панаму и кресло-качалку и стал немного похож на подмосковного дачника. Только очень маленького.

«А ты, урод, молчи! Молчи, ты, урод!!! Я, буквально, путаю сраные буквы. Бля — конопля»

Шли дни.

Все было задумано просто и конкретно.

Для каждого отдельного человека должно придумать его отдельный рай.

И сделать так, чтобы его рай вливался в общий райский котел наслаждений и все это должно происходить на отдельно взятой одноименной планете.

На которую Райский закачает необходимое количество во всех отношениях приятного климата. Местное население возьмет на себя обслуживание туристов. Способности аборигенов мы оценили в первый же день, когда… ну да об этом не сейчас.

Во всяком случае, им известны древние, ныне забытые рецепты утешения души и плоти.

Вопрос хорошо это или нет – не нам решать, как заявил директор планеты. Хорошо то, что хорошо оплачено.

А если кому-нибудь захочется чего-либо экзотического, то пожалуйста, к его услугам парки «аттракционов» в любом вкусе. N-технологии обеспечивают стопроцентное воплощение любых фантазмов клиента, обожравшегося фастфудом развлечений.

И вообще, уставшего от жизни.

Я листал N-циклопедию. Виды животных и птиц, существовавшие уже только на её страницах, немного смущали меня. Кошку от собаки я, конечно, отличу, но орлана белохвостого от подорлика, гнездящегося в районах лесостепи уже не так, что б уж.

И вообще, мои предложения по ландшафту были незатейливы. Там – тундра. Тут раскидать немного джунглей и рассечь условно-непроходимую тайгу умеренно непреодолимой горной грядой, теряющейся в подчеркнуто безбрежных водах синих морей, в которых смачно дымились бы вулканические острова и торжественно белели бы, подобно сахарным головам, два-три айсберга.

И всюду водились бы быки, орлы и носороги, с характером ручных белок.

В водоемах киты перекидываются словечком с другими водоплавающими хордовыми и беспозвоночными и серебристые ихтиандрихи плещутся тут и там, помахивая русалочьими хвостами.

– Это то, что надо! Что и требуется доказать, ребята! – старый пупс Райский сильно не вникал в подробности нашего суперкрасочного проекта. Он смотрел только последнюю страницу сметы. – Не жмитесь. Давайте больше. Чтоб все… крутилось, вертелось, свистело, хрюкало …! Недостачу взыщу! – директора теперь сопровождала повсюду зелененькая аборигенка. Юркая ящерка с ножками немыслимой стройности, с пористым, упругим, свивающимся в колечки хвостом.

…….

Днем Саша с мрачностью поглядывал на аборигенок. Называл их лягушками. Но, не исключено, что время от времени он не пренебрегал их искусством целительства тела и души. Первый раз мы оценили их способности в то самое утро, когда мы проснулись продрогшие на своих раскладушках.

На пороге нашего бунгало возник старый ящер с бритвенными приборами на подносе – фантом дурного сна. Из-за его плеча вынырнули две полу-змейки полу-ящерки.

У промерзшего до костного мозга мужчины земного происхождения они не пробуждали теплых чувств. Известно – рептилии хладнокровные. Шкурка колючая. Хвостищи, опять же, волосищи ….

Однако ящерки знали своё дело. В печи затрещал огонь – старик игуан подбросил к тлеющим уголькам несколько коряжек. Открыл канистру с солярой и щедро влил в жерло буржуйки целый литр. Через мгновенье жар растекся по всей конуре. Ящерки тем временем растерли нас мокрыми, горячими полотенцами. Их профессиональные навыки чувствовались в тех молниеносных манипуляциях с пуговицами, молниями, застежками ремней брюк…

Мы подверглись горячему обтиранию, бритью щетин, массажу… Спросонья нам показалось, что половые органы ящерок располагались… где попало, даже на ладонях. Ну не совсем, чтобы такой вот орган, но что-то похожее и, главное, всегда под рукой.

Сделав своё дело они ушли.

Распаренные, мы сидели друг напротив друга. Оба в одинаковых хрустящих голубых сорочках и в мягких пижамных штанах.

– Выпить чего-нибудь осталось? – Саша вращал глазами, красными, будто от слез.

– Посмотрю в холодильнике, – я встал. Чувство как после урока физкультуры: все мышцы мелко вибрируют, ноги подкашиваются. Ну откуда здесь холодильник? Я потыкался по углам и снова сел на раскладушку.

Саша, внимательно разглядывал свои штаны.

– Фемистокл, глянь, у меня стоит! – тут он встал во весь рост, раскладушка рухнула, подчеркнув тем самым важность момента.

– Саша, ты о чем? Стоит, сидит, скачет… никаких у тебя нет этих… чувств.
– А ты что, влюбился?
– Ты, драматург, … я не дам тебе повод для насмешек. И, будь добр, застегни ширинку.

Саша без предупреждения ласково-пренебрежительно схватил меня за горло и, как-то вяло, но при этом очень больно – за грудную клетку, и проткнул меня серым взглядом, как вилкой.

Внезапная вспышка озарила блекнущее сознание: сейчас, здесь, смерть от удушья.

Уроки физкультуры всплыли как в тумане. Коленом, вяло и расслабленно, как мне показалось в четверть силы, я ударил его в правильное место.

Абалаков сидел на полу. Я сидел рядом.
– Я подумал, что ты, сука, с ним заодно.
– Заодно – с кем, кретин?
– Заодно с этим… Райским. Ты – подозрительный тип. Я сразу тебя раскусил!
– Ну ты – козел. Ведь ты меня чуть не задушил.
– Извини, но ты – первый.
– Я – защищался.
– Козел.
– За козла – ответишь.
– Извини.
– Интеллигент сраный.
– За интеллигента – ответишь.
……

КИДАЛОВО

«Под звуки цимбал вакханки в неистовом танце кружились» – прочитал я из-за плеча драматурга и побрел прочь с палубы тонущего Титаника (такое не банальное впечатление рождала покосившаяся терраса) репетировать в местном клубе сцену пленения амазонками героев Эллады.

Саша работал как одержимый. По заданию Райского, он переписывая известные сюжеты сказок и мифов, приделывая всем историям счастливые концы, перекладывал их для исполнения силами местной самодеятельности.

Количеством всего триста штук.

Заезд первой группы ожидался в конце месяца. Это будут, как водится, эксперты по авторским правам, журналисты и парочка инвесторов, соблазненных Райским на растряску своих тугих мошон.

……..

Сидя в комнате у Абалакова, я мирно листал книжки мифов и легенд древней Греции, за которыми он спрятался как маленький зуав за баррикаду. Меня больше интересовали картинки. И я все приставал к драматургу с расспросами.

На что Саша неизменно бурчал: «Грамотный – сам прочти. А не грамотный пропадай во тьме!»

– Александр. Я думал, ты первым начинаешь драку. А оказывается главный драчун – Райский. Он вчера на меня напал! Чуть не избил, скотина.
– За что?
– Да ни за что. Он был со своей дамой ….

– лягушкой…

– ну да, с этой… местной, в заведении. Я тоже туда заглянул съесть парочку мокриц…

– … и пропустить рюмочку

– Александр, мокриц невозможно рассматривать как самостоятельное блюдо, только как закусь.

– и к чему?

– Райский делает вид, что меня не видит. Ладно, думаю, так даже лучше.

А сам вытащил фотоаппарат и просматриваю прошлый кастинг. И так, между делом, щелкнул сладкую парочку. Только вспышку забыл отключить.

Райский, представляешь, вскочил, схватил меня за микитки, трясет как буря ясень, и давай орать на весь кабак, что я шпионю за ним, что он давно меня вычислил, что я за всеми тут шпионю и докладываю куда надо.

Я говорю, извини, случайно вспыхнуло. Давай сотрем. Нет, собирается меня прямо тут же прикончить.

Саша смотрит на меня воспаленными глазками.

– Стер?

– не стер.

– Покажи!

Я нашел картинку. Изображение Райского двоилось и немного как будто дымилось.

– Вот! – торжественно произнес Абалаков. – Я подозревал, что он не человек!

– А кто же?

– Кидалово!

– Что-то не догоняю. Это просто смазанный снимок.

– Да нет. Лягушка-то получилась, и все остальное – в резкости. Ты понял? Райский – проекция.

– Какая там проекция, на что?

– На воздух! На наши с тобой мозги!

– Ты что, Саша, друг, что ты говоришь! Я же видел, как он ел и пил. Проекция не может есть твердую пищу. И потом, он ведь вцепился в меня железной хваткой. Вот, синяк остался. Кстати, ты сам его неоднократно… того, дрался с ним. Кого ты бил, воздух?

– Ты, грамотей, я бил что-то, что только кажется Райским. А на самом деле …ну ка покажи фотку.

Мы пристально изучили снимок. Слили в компьютер, меняли гистограмму, спектр, и увидели: похоже, что Райский действительно не совсем человек.

– Он кролёк! – сделал недвусмысленный вывод Саша. – Кролёк с Альфы Титона.

– Не знаю такой планеты.

– А я знаю. Планеты действительно уже нет. Она погибла. Несколько миллионов лет назад её разорвало в дерьмо, на мелкие брызги дерьма. А население заранее перебралось на другие планеты. Они как кукушки. Своего дома нет, плодятся в чужих гнездах. За многие миллионы лет они чудовищно размножились и научились приспосабливаться к любым условиям. Вот так.

– И что из этого следует?

– Из этого следует то, что все затеи Райского не более, чем способ захватить планету PS-E-11 для своих соплеменников.

– А чего её захватывать – приезжай, да живи.

– Не знаю. Пока не знаю.

……

Концепция понемногу вырисовывалась. Проект из бумажного с бешеной быстротой воплощался «в натуре».

N-технологии позволяли сказку сделать былью за считанные часы. Со сносным качеством.

Никаких семизвездочных отелей не предусматривалось проектом. Старый космопорт оставался единственной капитальной постройкой, но и он был тщательно замаскирован под плантацию карликовых баобабов, которые садовник Зиновкен вырастил в наногоршках из ростков полузасохшего денежного дерева, спасенного им с подоконника местной забегаловки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.